

Ив. Велков и Ив. Венедиктов в разделе «Кратки вести от разни места» (стр. 228—235) издают различные античные предметы, найденные в Болгарии.

Т. Д. Герасимов («Коллективни находки на монети през последните години», стр. 235—244) описывает монеты, найденные в Болгарии в 1941—1945 гг.

Т. В. Блаватская (Бороздина)

V. GORDON CHILDE, *Man makes himself*, London, Watts & Co., 1936, XII+275 стр.; *What happened in history*, London, Watts & Co., 1942, 256 стр.; *Progress and archaeology*, London, Watts & Co., 1944, 119 стр.

За последние годы в зарубежной, западноевропейской и американской, археологической науке заметно большое оживление. Перед второй мировой войной во всех странах, в том числе и в таких небольших, как Швеция, организуются крупные археологические экспедиции, располагающие значительными средствами и производящие чуть ли не повсюду в Старом и Новом свете раскопки, зачастую открывающие для истории новые страницы, иной раз неведомые ей ранее культуры. Техника раскопок, изучения и публикации добытого материала непрерывно совершенствовалась. Обилие материала вызвало естественное стремление разобраться в достигнутом, перейти к обобщению и синтезу. В последние годы у некоторых представителей зарубежной археологической науки заметны попытки преодолеть буржуазную ограниченность и формализм в обобщающих построениях, подойти ближе к познанию объективных закономерностей исторического процесса. В этом сказывается влияние передовой советской археологической науки. Пожалуй, самым интересным выразителем такой тенденции в зарубежной археологии в настоящее время является профессор Эдинбургского университета В. Гордон Чайлд.

Он родился в 1892 г. в Сиднее, в Австралии. Высшее образование получил в университетах Сиднея и Оксфорда. Менее всего кабинетный ученый, проф. Чайлд изучал музеи и археологические стоянки не только Англии, но и Центральной Европы, балканских стран, греческих островов, Египта, Турции, Индии и СССР. Он не раз руководил раскопками в Шотландии и Северной Ирландии, но особенно знамениты его раскопки прекрасно сохранившейся неолитической деревни Skara Brae в Оркнее, которая привлекает ежегодно тысячи туристов. Неоднократно показав мастерство самого детального археологического анализа, Чайлд на протяжении всей своей ученой карьеры стремится к осмыслению и обобщению собранного им огромного материала. Его основные труды—прежде всего опыты широкого исторического синтеза. Такими, кроме трех выписанных выше, являются: 1) «The Dawn of European civilization», 2 ed., London, 1939; 2) «The Danube in prehistory», Oxford, 1929; 3) «The prehistory of Scotland», London, 1936; 4) «The Most Ancient East», London, 1939; 5) «The Bronze Age Cambridge, 1930; 6) «Prehistoric communities of the British Isles», London, 1942.

Чайлд выступает в своих работах как материалист, хотя и не идет далее экономического материализма. Он отнюдь не марксист, но внимательно изучает советскую археологическую литературу. Он изучил русский язык настолько, что в состоянии читать русские и украинские научные публикации. В нем мы имеем друга советской науки, часто осведомляющего зарубежный научный мир о нашей археологической работе¹

¹ После того как настоящая рецензия была сдана в печать, в журнале «Man», febr. 1947, vol. 47, стр. 31—32 появился отзыв С. Пиготта на новую работу В. Г. Чайлда «Scotland before the Scots», London, 1946, VII+144. В предисловии к своему труду В. Г. Чайлд подчеркивает свое намерение «истолковать шотландский материал на основе установок советских археологов, применение которыми марксизма к доистории дало работы, которые кажутся более историческими, чем те, авторов которых можно назвать «буржуазными» доисториками». Эта установка В. Г. Чайлда вызвала суровое порицание со стороны Пиготта.

Его труды внимательно изучаются советскими специалистами. Представляется поэтому своевременным и существенным делом рассмотреть и оценить в целом концепцию проф. Чайлда.

Разбираемые три работы Чайлда написаны на одну тему—о развитии человека, человеческого общества и культуры от первых их шагов до античной цивилизации. Цель их—показать на вещественном археологическом материале, в чем состояло прогрессивное развитие человечества.

В первой из перечисленных книг, «*Man makes himself*» проф. Чайлд изучает исторический процесс в хронологической последовательности от появления человека до «городской революции» в странах древнейшего Востока, завершившейся созданием науки. В работе «*What happened in history*» эта картина подвергнута более сжатой переработке (что не исключает отдельных существенных добавлений и изменений) и продолжена до кризиса и падения античной цивилизации. В последнем своем труде «*Progress and archaeology*» автор распределил материал тематически, в отдельных главах—в хронологическом порядке. За вступительной главой о «развитии археологии» следуют главы о «добывании пищи», «орудиях, машинах и материалах», «отоплении и жилище», «обмене и распространении культуры», «погребении, жертвоприношениях и храмовом строительстве» и, наконец, о «результатах прогресса». Все три работы написаны в очень популярной форме, доступной для самых широких масс, лишены документации и научных примечаний. Тем не менее они базируются на исключительной эрудиции и развивают широкую философско-историческую концепцию, интересную и для специалистов. Во всех трех работах так много повторений одних и тех же взглядов с использованием зачастую одних и тех же материалов, что не целесообразно давать детальный разбор каждой из этих книг в отдельности.

Что Чайлд считает «прогрессом» в историческом процессе? Об этом он говорит неоднократно, но всего подробнее и яснее в «*Man makes himself*», стр. 1—16.

До первой мировой войны понятие «прогресс» было широко распространенным и обычно казалось само собой понятным. Но мировая война (эта книга писалась Чайлдом в 1936 г. еще до разгула германского фашизма) и последующие кризисы подорвали этот наивный оптимизм. Зачастую понятие прогресса складывается из односторонних, крайне субъективных оценок и желаний. В результате возникли штампованные схемы периодов «расцвета» и «падения» культур и народов. Чайлд считает совершенно произвольным, например, считать V в. до н. э. веком расцвета Греции, а IV в., век Аристотеля и научного подъема,—началом упадка. Или другой пример: «рост» Рима приходится на эпоху грабительских войн и всяческого угнетения, а Римская империя, давшая народам два века относительного мирного развития, считается в учебниках эрой «упадка». Школьная наука преувеличивает значение политической и религиозной истории, что для Чайлда, как англичанина, особенно ясно на примере английской истории. Чайлд подчеркивает огромное научное значение Маркса, открывшего, что первенствующую роль в истории играют «экономические отношения, общественные производительные силы и практическое использование науки» («*Man makes himself*», стр. 7). Правда, к этой не слишком четкой формулировке Чайлд сейчас же делает оговорку, что академические круги могут принять теоретическую установку Маркса, не разделяя «партийных страстей, воспламеняемых другими сторонами марксизма». Не поняв сути учения Маркса, впервые открывшего закон развития человеческой истории, Чайлд ищет «объективного» подхода к проблеме прогресса и думает найти его в критерии биологическом.

«Прогресс для историка,—утверждает Чайлд,—может быть эквивалентом эволюции у зоолога. Можно надеяться, что стандарты, применимые в последней дисциплине, могут помочь историку достичь того же беспристрастия и той же объективности суждения, какая характеризует зоолога или ученого в области любой другой естественной науки. А для биолога прогресс, когда он употребляет этот термин, означает успех в борьбе за существование. Выживание наиболее приспособленного—это подлинный принцип эволюции. А приспособленность означает именно успех, определяемый выживанием. Проверкой приспособленности вида мог бы быть счет его членов по отдельным поколениям. Если

эти числа идут возрастающим рядом, вид может считаться преуспевающим; если же сумма падает, он осужден на исчезновение» (там же, стр. 10—11). Вслед за Мальтусом, не упоминая его, Г. Чайлд обращает особое внимание на законы роста населения. На стр. 15 он набрасывает картину роста населения Великобритании за период 1500—1800 гг., причем выясняется, что до 1750 г. эта линия очень медленно идет вверх и что на ней никак не отражаются политические революции и религиозные движения XVI и XVII вв., которым историки обычно придавали такое большое значение. Зато между 1750 и 1800 гг. линия резко загибается кверху под углом в 30°. Это является результатом «промышленного переворота», который, несмотря на великие страдания переломного момента, создал совсем иной, более высокий уровень хозяйства и быта народа, его культуры и науки. На этом основании объективный критерий прогресса Чайлд думает найти в этом признаке темпа роста населения, пригодном для подсчета «независимо от партийных или философских предрассудков»¹. Таким образом, при всех своих добрых намерениях, проф. Чайлд подменяет материалистическое понимание истории антинаучным «социальным дарвинизмом». Пытаясь стать выше «политических и философских предрассудков», он по сути дела становится, помимо своего желания, проводником реакционных буржуазных политических и философских идей. Беда проф. Чайлда в том, что он воспринял, и притом поверхностно, лишь вульгарные, опошленные экономистами и ревизионистами идеи марксизма. В результате он, несмотря на свою субъективную благожелательность к марксизму, объективно смыкается с враждебной ему теорией.

Неправильное понимание существа исторических закономерностей сказывается не только в случайных и непоследовательных общефилософских соображениях Чайлда, но и в конкретном изложении хода исторического процесса.

Вызывает серьезные возражения в книгах Чайлда его периодизация древнейшей истории. Вкратце она такова. Вначале мы имеем эпоху простого добывания пищи, или присваивающего хозяйства, когда людям приходилось производить только орудия добывания пищи, а не ее производства. Эта стадия в целом соответствует палеолиту (или, по схеме Моргана, периоду дикости). Далее следует «неолитическая революция», которая с изобретением земледелия и скотоводства создает хозяйство нового, более высокого типа, является скачком, создающим условия для более быстрого роста населения и освоения им более обширных земельных пространств. Наконец, с переходом к металлургии в странах Ближнего Востока происходит «городская революция», на базе которой развивается античная цивилизация. В целом такая периодизация довольно близко соответствует схеме Моргана с ее членением истории на периоды дикости, варварства и цивилизации. Но более внимательное изучение и «Древнего общества» Моргана и, тем более, «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Энгельса показало бы проф. Чайлду, что за этим делением не следует упускать из виду и другого, еще более глубоко проникающего в исторический процесс. Чайлд от экономики и материальной культуры склонен слишком непосредственно переходить к религии, искусству, науке, почти опуская социальное опосредствование, столь рельефно выдвинутое у Моргана, Маркса, Энгельса. И поэтому читателю остается самому, без помощи автора, разбираться в вопросах, иной раз очень трудных, — какие факты и явления в этих книгах Чайлда относятся к родовому обществу, какие характеризуют родовой строй или различные стадии его разложения. Это невнимание или, по крайней мере, недостаточное внимание к истории социальных отношений нельзя оправдать односторонностью археологического материала, поскольку для оценки проявления ранних форм религии или искусства Чайлд иной раз не избегает и этнографических аналогий. По Моргану, первобытный материнский род формируется уже на средней ступени дикости, а разложение родового строя идет полным ходом уже на высшей ступени варварства. Чайлд, положив в основу периодизации признак технико-экономический и упустив признак организационно-общественный, тем самым закрыл себе путь к пониманию решающих, переломных моментов исторического процесса. В результате в его

¹ G. C h i l d e, *Man makes himself*, стр. 15.

книге «Progress and archaeology», в которой материал распределен по темам, нет темы о развитии общественного строя, а в двух других трудах, дающих связную историю от палеолита до античной культуры, нельзя найти ни картины роста родового строя, ни его характеристики на основании памятников материальной культуры; мы не находим у него и серьезной попытки объяснить «городскую революцию» победой классовых отношений. Таким образом, периодизацию первобытной и древней истории у Чайлда, несмотря на ее материалистический (в духе экономического материализма) характер и ряд отдельных, зачастую очень метких и тонких замечаний, приходится признать не соответствующей требованиям научной методологии и упускающей из поля зрения основные линии социального развития. Все же по сравнению с господствующими в Англии буржуазными теориями концепция Чайлда представляется в своей области явлением прогрессивным. Важно указать также, что Чайлд не одинок, что в самой Англии у него есть единомышленники, стоящие примерно на тех же позициях, как-то Hawkes, Cyril Fox, Grimes и др.

Перехожу к отдельным замечаниям по поводу частностей построения истории у Чайлда. Палеолиту посвящена в книге «Man makes himself» 4-я глава (Food gathers», стр. 54—73), а в книге «What happened in history»—2-я (Palaeolithic savagery», стр. 24—42). Чайлд, как и Хаукес, не является специалистом по этому периоду, его исследования касались преимущественно неолита и бронзового века. Тем не менее он в курсе важнейших открытий, в том числе в СССР, и материал знает не только по публикации, но на основании изучения его в музеях и на некоторых стоянках. На небольшом числе страниц (18—19) Чайлд дает довольно четкую картину быта первобытных собирателей и охотников. В ней мы не находим ничего особенно нового. Встречаются очень сомнительные утверждения по крайне важным вопросам. Так, по вопросу о древнейшей культуре палеолита после эолита он, как и Хаукес, принимает схему реакционной венской археологической школы, в частности Менгина, и французской школы аббата Брейля, отказывающихся от тезиса единства древнейшей культуры, установленного Мортилье и воспринятого советской археологией. Согласно этой схеме на территории Старого Света в начале палеолита отдельные районы были якобы заняты двумя различными культурами, одна из которых, клектонская, характеризуется обработкой пластин, откалываемых от кремневого ядрища, а другая, шелльско-ашельская, отличается от первой обработкой, наоборот, именно этого ядрища, в то время как откалываемые при этой обработке пластины и осколки являются лишь отбросами производства. Археологи этого направления считают случаи скрещивания в одном районе техники обоих типов исключением, и получается картина раздельного существования, а в дальнейшем и борьбы двух «культур», за которыми в представлении некоторых авторов стоит и борьба двух древнейших человеческих «рас». Понятно увлечение такими построениями со стороны крайне-правых и, тем более, профашистских кругов, но досадно видеть их успех и в среде демократически настроенных ученых. Было бы крайне важной задачей советской археологии помочь зарубежным ученым прогрессивного направления основательно разобраться в накопленном наукой материале по древнейшему палеолиту и освободиться из-под влияния реакционных идей.

Другим порочным пунктом построенной Чайлдом схемы развития палеолитической культуры является его представление о смене и сосуществовании древнейших человеческих рас. Он допускает, хотя и оговаривается относительно недоказуемости такого предположения, что создатели культуры пластин принадлежат к расам, представители которых не являются предками *Homo sapiens*, и эту честь предоставляет только создателям культуры ядрища. Он думает, что нет возможности перебросить генетический мост от неандертальца к *Homo sapiens* верхнего палеолита, что неандерталец слишком приспособился к условиям арктической природы, и с изменением климата в Старом Свете эта раса должна была вымереть, причем эта гибель могла быть ускорена борьбой с расой более высокого физического и умственного уровня. Ясно, что эти положения, хотя бы в более умеренной и осторожной форме, отражают схемы реакционных школ археологической науки и в корне расходятся с установками советской антропологии и археологии, доказывающих единство человеческого рода, признающих неандертальца

предшественником и предком *Homo sapiens* и относящих дифференциацию человечества на расы лишь к верхнему палеолиту.

Главы о неолите («*Man makes himself*», стр. 74—117; «*What happened in history*», стр. 43—60) представляют большой интерес, поскольку Чайлд является видным специалистом по неолитическим культурам. В этот период освоения больших земельных пространств, переселений, скрещений и взаимных культурных влияний развитие представляется крайне осложненным процессом, требующим для своего изучения детального знания неолитических культур самых различных районов. Чайлд обнаруживает в этой области исключительную эрудицию, и сильное впечатление производит его мастерство (сказавшееся также в труде «*The dawn of European civilizations*») учитывать скрещение местных традиций с влияниями соседних культур. Для такой ранней поры трудно с уверенностью распознавать за изменениями в инвентаре, типах и орнаментике вещей реальные передвижения и скрещения человеческих групп. Буржуазная наука много погрела по части произвольной реконструкции доисторических миграций, завоеваний и даже «империй». Но в представлении об исключительно внутренних факторах общественного развития тоже есть своя опасная сторона. Закономерное общественное развитие является результатом одновременно и внутреннего развития и скрещения племен. Чайлд свободен от одностороннего увлечения как тезисом внутреннего закономерного развития, так и крайними миграционными теориями; основная методологическая линия в этих трудных вопросах берется им правильно. Он ярко рисует возникновение земледелия и скотоводства в странах Ближнего Востока. Древнейшие вскрываемые заступом археолога неолитические культуры в Передней Азии, Северной Африке и позже в Европе (в первую очередь в Дунайской равнине) дают картину смешанного хозяйства (*mixed farming*). Основная черта этого хозяйства, в общем,—самодовлеющий, несмотря на наличие обмена и культурных связей, характер экономики каждой общины. Это создает благоприятные условия для роста населения и накопления опыта, знаний, примитивной культуры. Это есть «революция» в разъясненном выше, согласно Чайлду, смысле. К сожалению, он не дает описания родового строя эпохи, хотя приводит некоторые данные о неолитических деревнях, вроде *Skara Brae*, и о широком развитии кооперации. Таким образом, вопрос о первобытно-общинном строе остается по существу нетронутым. Вряд ли это объясняется только особенностями археологического материала, поскольку автор в главе о «неолитическом варварстве» в книге «*What happened in history*» довольно широко применяет этнографические аналогии. В конце неолита Чайлд постулирует широкие народные передвижения и завоевания. Смену культур в это время он объясняет не столько отмиранием какой-либо культуры, сколько процессом смешения (*mixed culture*). Например, поздненеолитические культуры Средней Европы, по его мнению, есть результат отчасти древнедунайских традиций, отчасти же влияния лесных областей Севера, даже, может быть, завоевания и порабощения древнего придунайского населения северянами. В такой обстановке, по его мнению, происходит отмирание рода. Выработать новый тип общества и сломать относительную замкнутость неолитических общин, открыть для прогресса и культуры более широкие перспективы—в этом заключалась задача второй «городской» революции.

Этой «городской революции» Чайлд посвящает особенно много места. Поскольку она в первую очередь произошла в странах Ближнего Востока, Чайлд имеет возможность в рецензируемых работах использовать материал своего труда «*The Most Ancient East*». Этой проблеме он посвящает в книге «*Man makes himself*» главы VI—VIII (стр. 118—256), а в книге «*What happened in history*» главы IV—X (стр. 61—204). Уже в эпоху неолита чувствуется неравномерность исторического развития. Вперемежку с племенами земледельческими и скотоводческими живут племена первобытных охотников и скотоводов. С другой стороны, уже тогда местами намечается вторая «революция». Может быть, именно отсутствие официальной неподатливой идеологии и глубоко вкоренившихся учреждений сделали возможным менее чем в два тысячелетия превращение самодовлеющих деревень в индустриальные и торговые города-государства (*cities*). В странах Ближнего Востока в первую очередь возникло противоречие между

ростом населения, вызванным неолитической революцией, и недостатком земли, пригодной для скотоводства и, особенно, земледелия. Отсюда важная для этих стран проблема ирригации, требующая для своего разрешения в условиях природы Египта и Месопотамии огромного труда и резкого повышения технического уровня. Это вызывало укрупнение общин и более сложную организацию кооперативного труда. Последнее обстоятельство приводило к замене морального авторитета вождя или царя принудительной властью. И в этом случае Чайлд исходит их технико-экономического момента, и в его построении новые классовые и политические отношения остаются на втором плане. Технический переворот происходил в обстановке более широкого обмена, чем это допускали условия неолитической экономики. Без импортных материалов нельзя было возводить ирригационных сооружений. С другой стороны, обмен вызывал сближение земледельческих оседлых и кочевых скотоводческих племен, приводившее не только к культурному взаимодействию, но иной раз и к военным столкновениям. Сущность технического переворота связана с возникновением металлургии, которое Чайлд освещает довольно подробно (еще большие детали можно найти в труде Чайлда «The Bronze Age»). Однако дело не ограничивается изображением переворота в области техники, вызванного изобретением металлургии. Чайлд указывает на переворот в средствах транспорта, изобретение колеса, парусного судна. Самую возможность целого комплекса технических и культурных новшеств, несмотря на религиозно-магическую идеологию, освящающую старинную практику и осуждающую любое нововведение, Чайлд объясняет вторжением пастушеских племен и подчинением им земледельцев речных долин. Такое вторжение ломает робкий консерватизм рутины, смешение культур рождает новый синтез, облегчает культурное творчество. Завоевание решает и трудную задачу интенсификации труда, столь актуальную в момент технического переворота. Пастухи оставляют земледельцев на их участках и даже защищают их от внешних врагов, но зато заставляют их платить себе часть урожая. Таким образом, земледельцы вынуждены производить излишки в пользу новой, поземельной «аристократии». Правда, Чайлд оговаривается, что в Месопотамии следы такого первичного завоевания очень неясны, что в шумерских городах государственное местное божество (т. е. жреческая корпорация) стояло во главе общинного хозяйства. Чайлд резко подчеркивает жреческое и магическое происхождение царской власти.

Было бы слишком долго входить в дальнейшие детали этой «городской революции». В книге «What happened in history» Чайлд в последовательных главах разбирает вопросы о «Высшей стадии варварства в эпоху медного века», о «Городской революции в Месопотамии», о «Цивилизации раннего бронзового века в Египте и Индии», о «Пути распространения цивилизации», о «Расцвете цивилизации бронзового века». В главе VIII в книге «Man makes himself» («Революция человеческого знания») Чайлд дает очень интересный и содержательный очерк древневосточной науки. Признавая талантливость изложения и меткость отдельных замечаний автора, следует признать, что общая концепция этой «городской революции» совершенно неприемлема. Схема: завоевание, государство, классы — ставит на голову порядок исторического развития. Классовая сущность древневосточного общества осталась непонятой, хотя наличия в нем (но не ведущей роли) рабства Чайлд не отрицает.

В главах IX—XII книги «What happened in history» проф. Чайлд дает очень краткую, с точки зрения археолога, характеристику расцвета, кризиса и упадка античной цивилизации (стр. 164—252). Это наименее самостоятельная часть труда Чайлда. Он признает рабовладельческий характер античного общества и его культуры. Противоречия рабского способа производства он объясняет узкие границы развития торговли и промышленности, сорвавшие расцвет таких торговых центров, как Афины или Сиракузы. Расцветом античного мира он считает создание крупных эллинистических государств и, позже, Римской империи, разбивших рамки небольшого полиса и создавших условия для более мощной экономики. Но в конце концов это было лишь отсрочкой. Рабство разложило и империю. Обоedнение масс, разоренных конкуренцией рабского труда, сузило внутренний рынок, а внешний более расширяться не мог, поскольку уже в 150 г. н. э. были достигнуты границы цивилизованного мира. В ре-

зультате оказались неизбежными падение городской экономики и обнажение примитивно-аграрной основы империи. Но на такой основе само государство беднело и разлагалось. С этим связаны и разложение всей античной цивилизации и победа христианской идеологии. В этой картине общего краха совершенно не затронуто основное—классовая борьба, завершившаяся революцией рабов и свержением рабовладельческого строя общества. Не отмечено также, что возникавшее на развалинах империи феодальное общество было дальнейшим прогрессивным этапом в истории человечества. Чайлд говорит даже о повороте римских «лэндлордов» к принципам неолитической хозяйственной замкнутости.

Подведем итоги. Книги Чайлда возбуждают живой интерес археологов и историков как за рубежом, так и в СССР. Они развертывают сложную концепцию, производящую впечатление попытки серьезного синтеза первобытной и древней истории. Автор интересуется советской наукой и симпатизирует ей. Тем важнее нам было показать, что его концепция не идет далее экономического материализма и в целом довольно далека от подлинной марксистской идеологии. Более того, по целому ряду важнейших вопросов первобытной и древней истории автор, к сожалению, присоединяется к установкам реакционных течений. Работы проф. Чайлда лишний раз показывают важность стоящей перед советскими учеными задачи—своими конкретными исследованиями помочь прогрессивным зарубежным ученым освободиться от пагубного влияния реакционных буржуазных идей.

С. Ляковский

Новые данные о шумерской культуре

S. N. KRAMER, Sumerian Mythology, «Memoirs of the American Philosophical Society», vol. XXI (1944)

К числу наиболее трудных клинописных памятников относятся шумерские литературные тексты, дошедшие до нас в числе около 3000 фрагментов и целых табличек. Они рассеяны по всем важнейшим музеям мира, но две трети общего их числа хранятся в Филадельфии¹.

S. N. Kramer взял на себя трудную задачу собрать, издать, перевести и истолковать эти тексты. Книга его «Sumerian Mythology» задумана как введение к многотомной серии, посвященной изданию и переводу памятников шумерской литературы и изложению основ шумерской религии и мифологии.

Вряд ли можно найти специалиста, лучше подготовленного к такой филологической задаче, чем S. N. Kramer. Он является продолжателем блестящего палеографиста-ассириолога E. Chiera и учеником создателя детальной научной грамматики шумерского языка A. Roebel'a. Работая с 1933 г. над копированием шумерских литературных памятников, он, без сомнения, в настоящее время является в этой области лучшим специалистом.

Значение подобной работы для науки о Древнем Востоке едва ли может быть переоценено. Зависимость почти всех древних культур Западной Азии от древнейшей культуры Шумера, процветавшей между 3500 и 2000 гг. до н. э., общеизвестна. И, однако, до сих пор обширная литература шумерского народа, его главные верования оставались для науки книгой за семью печатями, несмотря на то, что основная масса текстов была раскопана еще в 90-х годах прошлого века.

S. N. Kramer указывает две основные причины этого явления. Первая—это языковые трудности. Шумерский язык, не родственник ни одному из ныне известных язы-

¹ Имеются они и в Советском Союзе. Один из шумерских литературных текстов из наших собраний должен вскоре появиться в печати.